

**Митина Светлана Игоревна,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридического факультета, Новгородского
государственного университета имени Ярослава Мудрого.**

УДК: 34(38)

РОЛЬ ПРИНЦИПА БАЛАНСА СИЛ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА

Резюме:

В современной судебной конституционной практике отмечается значительное влияние принципов и предписаний Конституционного Суда Российской Федерации на процедуру принятия окончательного решения конституционным (уставным) судом субъекта Российской Федерации. Однако неприменение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации конституционным (уставным) судом субъекта вовсе не означает, что общеобязательные решения Конституционного Суда России не найдут своего отражения в актах органов конституционного (уставного) контроля, поскольку позиции конституционных (уставных) судов могут повторять выводы, к которым когда-то пришел Конституционный Суд Российской Федерации.

Другой вопрос заключается в том, что функционирование конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации может быть поставлено в зависимость от Конституционного Суда Российской Федерации. Поскольку Конституционный Суд Российской Федерации правомочен признать не соответствующей Конституции Российской Федерации норму закона субъекта, на основании которой было принято решение конституционного (уставного) суда. Подобная ситуация влечет фактическую отмену решения, принятого региональным органом конституционного контроля. Исходя из этого вывода, целесообразно заключить, что «...судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации, их выводы и решения обязательны и для конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации при решении конституционных вопросов и споров».

Правовой анализ практики деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ (Конституционных Судов Республик Татарстан, Бурятия, Карелия; областей Калининградской, Свердловской и города федерального значения – Санкт-Петербурга) показал, что далеко не все судебные органы судебного контроля субъектов Российской Федерации следуют в процессе принятия решений правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, касающимся защиты прав и свобод человека и гражданина. Как было установлено, только Конституционный Суд Республики Бурятия при осуществлении правосудия по делам о защите прав граждан не применил ни одного предписания федерального Конституционного Суда. Остальные конституционные (уставные) суды, так или иначе, ссылались в своих решениях на постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации.

Приходится констатировать, что качество решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации заметно уступает уровню актов Конституционного Суда Российской Федерации, а также во многом не соответствует требованиям логичности и конкретности в изложении выводов. Причиной такого положения, очевидно, является несовершенство законов о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации либо же неправильная оценка органами конституционной (уставной) юстиции собственной компетенции и, как результат, превышение полномочий в связи с рассмотрением обращения.

Это, в свою очередь, объясняет свойственный лишь конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации механизм отправления правосудия по делам о защите прав и свобод человека и гражданина и их роль в исполнении «...решений федерального Конституционного Суда на региональном уровне, исключая действие признанных им неконституционных актов...» для развития федеративного государства и вхождения субъектов Российской Федерации в единое правовое пространство Российской Федерации.

Ключевые слова: Эпоха эллинизма, международное публичное право, древнегреческое право, Восточное Средиземноморье, принцип саблюдения баланса.

Греческое право в современной науке часто характеризуется как «ускользающий феномен» человеческой цивилизации. В этом определении точно отразилось состояние современного научного знания о данной ступени в развитии европейского права. Причина этого «ускользания» в недостатке систематизированных источников и отсутствии у современных исследователей четкого представления о специфике данной ветви античного права и его влияния на становление и развитие римского права.

Следует признать, что в основе греческих представлений о регулировании отношений между народами должен был лежать принцип соблюдения баланса, паритета сил. На основе данного принципа с глубокой древности формировалась обычная практика взаимоотношений общин, полисов, а затем и монархий. Глобализм древнегреческого правосознания стал одной из наиболее важных предпосылок формирования общей для всего региона базы регулирования межгосударственных отношений. Именно стремление сохранить паритет сил в Восточном Средиземноморье было одной из черт, характеризующих развитие правовых институтов. Эта задача стала особенно актуальной после краха идеи создания единой великой империи. Конечно, нет серьезных оснований предполагать существование в эллинистический период принципа равновесия политических сил как формализованного и принятого в качестве основы регулирования межгосударственных отношений. Политическая ситуация, характерная для эпохи, во многом была обусловлена реальной расстановкой сил, примерным равенством возможностей в проведении активной внешней политики крупных эллинистических монархий.

Таким образом, в эллинистическую эпоху принцип баланса политических сил проявился не в сформировавшемся политологическом и юридическом определении, а в виде обусловленной жизненной потребностью всего сообщества восточно-средиземноморских государств бурного процесса становления и развития институтов и механизмов правового регулирования межгосударственных отношений. Цель данного процесса: обеспечить жизнеспособность молодых эллинистических государств и их способность противостоять варварскому миру, к которому относилась и Римская республика. Реализация данной цели была невозможна без согласования позиций всех государств эллинистической системы, начиная от монархий, заканчивая независимыми полисами. Согласование позиций во все века и времена предполагает признание необходимости уступок и компромиссов. Таковые фиксировались, прежде всего, в договорах, в постановлениях специальных судебных комиссий, в декретах монархов и городов.

Одной из интереснейших проблем историко-правовой науки была в прошлом и остается по сей день история формирования институтов регулирования межгосударственных отношений эллинистической эпохи. Эллинизм, отличавшийся весьма интенсивными новациями всех сфер общественной жизни, предоставил будущим поколениям блестящий пример трансформации основ политической и правовой системы классического античного общества, дающий современным специалистам неоценимый фактический материал для сравнительно-правового анализа.¹ Этот факт признается в современной исследовательской литературе.¹ Однако остаются неясными и вызывают немало дискуссий вопросы о степени развития институтов регулирования межгосударственных отношений, их формального закрепления.

Заметим, что эпоха ярко выраженного практицизма ценила не столько классификационные определения, сколько действенность правовых механизмов. Эти механизмы первоначально возникли как политические и даже идеологические. Реализация на практике панэллинской идеи вызвала к жизни своеобразный прецедент, выразившийся в развитии на эллинской почве абсолютизма². Нарушение старой схемы государственных форм вело к трансформации практики межгосударственных отношений.

Замечание Ф. Эдкока и Д. Мосли как нельзя более точно отражает состояние научной дискуссии о возможном начале отсчета времени истории становления и развития институтов регулирования межгосударственных отношений. Сравнивая античную эпоху с миром Средневековых городов и государств, Ф. Эдкок и Д. Мосли подчеркивают, что в оба периода налицо был развитый смысл религиозных идеалов, моральных установок, но не было общепризнанного «тела» международного права, к которому можно было бы обращаться и которое было бы способно бросить вызов неповиновению или искажению его норм³. Действительно, отсутствие в античную эпоху «международного права» в современном его понимании лишает исследователей возможности оперировать привычной для современной науки методологией и терминологией. Кроме того, надо четко представлять себе, что при изучении взаимоотношений эллинистических государств и соответствующих регуляторов следует

1 Adcock F., Mosley D.J. *Diplomacy in ancient Greece*. London, 1975. P. 121; Жигунин В.Д. *Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э.* Казань, 1980. С. 56.

2 Philip of Macedon / Ed. By M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos. Athens, 1980. P. 136.

3 Adcock F., Mosley D.J. *Op. cit.* P. 120.

отталкиваться от специфики самого процесса государствообразования, о котором говори-лось выше. Речь идет не просто о системе государств, созданной волей конкретных политиков, а о этно-культурном комплексе. И государства, составившие его «костяк» строили фундамент всего взаимодействия с соседями на основе единого для всех опыта, соединявшего политическую и правовую культуру полисной жизни, дополненную традициями македонской и восточных монархий. Поэтому формирование правовой базы межгосударственного общения в эллинистическом обществе от Греции до Египта происходило в рамках единого процесса. Начальным звеном строительства единой системы регулирования мог стать лишь одинаково, жизненно важный для всех государств эллинистической системы принцип баланса сил. Ничто так не стимулирует развитие правовых институтов как стремление весьма военизированного общества выжить и сохраниться, что возможно было лишь при достижении определенного паритета сил внутри эллинистической системы. Отсутствие в источниках соответствующего термина с юридическим содержанием отнюдь не отменяет факт влияния такого на практику взаимного общения эллинистических государств.

И.Е. Суриков характеризует в целом греческое право как «ускользающий феномен» человеческой цивилизации. В этом определении как нельзя более точно отразилось состояние современного научного знания о данной ступени в развитии европейского права. Автор справедливо видит причину этого «ускользания» в недостатке систематизированных источников и отсутствии у современных исследователей четкого представления о специфике данной ветви античного права и его влияния на становление и развитие римского права. Суть этой специфики в «глобализме» древнегреческого правосознания. И.Е. Суриков обращает внимание, что греческие представления о праве связаны, прежде всего, с понятием δικη, олицетворяющим принцип упорядоченности, регулярности, баланса. Любое отклонение от δικη чревато подрывом мировой гармонии, угрожает не только непосредственно пострадавшим индивидам, но и всему обществу⁴. Исходя из такого положения, следует признать, что в основе греческих представлений о регулировании отношений между народами должен был лежать принцип соблюдения баланса, паритета сил. На основе данного принципа с глубокой древности формировалась обычная практика взаимоотношений общин, полисов, а затем и монархий. Глобализм древнегреческого правосознания, о котором говорит И.Е. Суриков, стал

4 Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 14.

одной из наиболее важных предпосылок формирования общей для всего региона базы регулирования межгосударственных отношений, тем более, что население Греческого мира, несмотря на свою политическую разобщенность, всегда осознавало свое этническое единство. Итак, национальное единство, помноженное на общность правосознания, вот что способствовало складыванию системы эллинистических государств, опиравшихся в практике межгосударственных отношений на реально осознаваемый принцип паритета сил.

Именно стремление сохранить паритет сил в Восточном Средиземноморье было одной из черт, характеризующих развитие правовых институтов. Эта задача стала особенно актуальной после краха идеи создания единой великой империи. Здесь вновь на первый план выходят идеи, сформулированные как раз накануне эллинистической эпохи. С.Я. Лурье напоминает речь Демосфена, который считал, что в интересах международного равновесия можно поддерживать даже нарушителей международного права, лишь бы они выступали против угрожающих международному равновесию государств. С.Я. Лурье называет такое положение общим местом античной дипломатической науки⁵. Однако по мнению самих древних авторов, целостность права не всегда могла быть попорчена во имя политических целей. Полибий рассматривал борьбу с гегемонистскими замыслами отдельных эллинистических государств как средство не допустить общество до той крайности, когда становится возможным посягательство на общепризнанные нормы права (Polyb. I. 83. 4-5).

Современные исследователи сходятся во мнении относительно того, что нет серьезных оснований предполагать существование в эллинистический период принципа равновесия политических сил как формализованного и принятого в качестве основы регулирования межгосударственных отношений. Просто политическая ситуация, характерная для эпохи, во многом была обусловлена реальной расстановкой сил, примерным равенством возможностей в проведении активной внешней политики крупных эллинистических монархий⁶.

Упомянутая выше неразвитость формальной терминологии, отсутствие теории права межгосударственных отношений, что

5 Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С. 599.

6 Ротермель Л. Проблемы межгосударственных отношений в Восточном Средиземноморье в эпоху эллинизма в работах западногерманских историков 1960-1970-х гг. // Античный вестник: Сб. науч. трудов / Под ред. А.А.Елагиной. Омск, 2002. Вып. 6. С. 32.

естественно для данного исторического периода, вели к тому, что сама концепция «равновесия сил» была доступна для общественного сознания лишь в форме конкретных практических проявлений и не нашла выражения в каком-либо определенном термине, определении. Ф. Эдкок и Д. Мосли отмечают, что при всем разнообразии слов, обозначающих различные соглашения и союзы, налицо была несогласованность их использования даже в официальных документах. Так, например, *spondai* (σπονδη) могло означать заключение соглашения о перемирии посредством специального празднества с «возлияниями», а также использовалось как синоним для обозначения соглашения вообще. Даже там, где были отдельные слова, чтобы описать оборонительный союз *epimachia* (ἐπιμαχία) и наступательно-оборонительный *symmachia* (συμμαχία), последний использовался почти исключительно, чтобы обозначить союз другого вида⁷.

Таким образом, в эллинистическую эпоху принцип баланса политических сил проявился не в сформировавшемся политологическом и юридическом определении, а в виде обусловленной жизненной потребностью всего сообщества восточно-средиземноморских государств бурного процесса становления и развития институтов и механизмов правового регулирования межгосударственных отношений. Цель данного процесса: обеспечить жизнеспособность молодых эллинистических государств и их конкурентоспособность в противостоянии варварскому миру, к которому относилось и Римская республика. Реализация данной цели было невозможно без согласования позиций всех государств эллинистической системы, начиная от монархий, заканчивая независимыми полисами. Согласование позиций во все века и времена предполагает признание необходимости уступок и компромиссов. Таковые фиксировались прежде всего в договорах, в постановлениях специальных судебных комиссий, в декретах монархов и городов.

Каждое государство стремилось закрепить свои позиции в регионе посредством официально признаваемых всем эллинистическим сообществом норм. Самыми активными правотворцами, учитывая природу формирования самой эллинистической системы государств, следует признать монархов. Как справедливо подчеркивает В.Д. Жигунин, политика в эллинистическую эпоху персонифицируется⁸. Ф. Эдкок и Д. Мосли обращают внимание на то, что теоретическому осмыслению роль субъективных факторов в вопросах войны и мира была подвергнута еще

7 Adcock F., Mosley D.J. Op. cit. P. 122.

8 Жигунин В.Д. Указ. соч. С. 28.

античными авторами⁹. Это позволяло обосновать значение новых политических цен-ностей в условиях крушения старых полисных идеалов. На этапе же становления эллинистической системы персонификация политики превращается в один из решающих факторов, что наиболее наглядно отразилось в панэллинской идее и непосредственно в дипломатии Александра Македонского. Начиная с него, в монархических государствах руководителями дипломатических ведомств были сами цари, а в республиканских - специальные органы, которые А.С. Шофман сопоставляет с римским сенатом (Polyb. XXII. 10. 4-11; XXIII. 3. 7; Liv. XXXII. 5; XXXIX. 53)¹⁰.

Наиболее широкое поле для проявления политической инициативы предоставляла монархам война. Поскольку большинство войн велось в пределах самой эллинистической системы, стала очевидной необходимость скорректировать правила их ведения (Polyb. II. 58; XIII. 3. 4-9; XXIII. 15). Именно с этим А.Г. Бокшанин связывает установление в эпоху эллинизма нечто вроде международного права. Международные обычаи становятся законами для всех эллинов. Например, не допускалось на войне применение отравленного оружия (отравленных стрел или наконечников копий), обязательное возвращение пленных за выкуп, необходимость обращения к третейскому суду и объявления войны перед непосредственным нападением¹¹. Но, даже находясь в состоянии войны, враждующие стороны как объективную необходимость воспринимали сохранение status quo в регионе. Отсюда нежелание доводить противника до полного поражения. Так, Х. Хайнен напоминает, что Птолемей IV после нанесения поражения Антиоху III при Рафии вовсе не намеревался доводить последнего до полного разгрома. В этом выражается одно из основных правил практики построения отношений между государствами внутри эллинистического сообщества: сохранять паритет сил ради стабильности всей системы¹².

Определенная заслуга в поддержании равновесия политических сил принадлежала малым и средним государствам, которые избрали в качестве политико-правовой базы своей внешней политики нейтралитет. В нем находило выражение стремление отдельных полисов избежать прямого или опосредованного подчинения со стороны более агрессивных

9 Adcock F., Mosley D.J. Op. cit. P. 121-122.

10 Шофман С. Дипломатическая деятельность Персея // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века: Межвуз. сб. Уфа, 1990. С. 29.

11 Бокшанин А.Г. История международных отношений и дипломатия в древнем мире. М., 1945. С. 50.

12 Heinen H. The Syrian-Egyptian wars and the new kindoms of Asia Minor // САН. 1984. Vol. 7. P. 437; 445.

и сильных соседей. Нейтралитет как политико-правовой институт также перекочевал в эллинистическую практику из античной классики. Стремление обеспечить себе нейтралитет диктовалось желанием добиться политической неприкосновенности и обеспечить беспрепятственную реализацию экономических целей.

С одной стороны, это давало возможность им самосохраниться в условиях обострения противоречий и явных конфликтах между крупными державами, а с другой стороны, позволяло играть роль независимых арбитров и тем самым повышало их политический статус в эллинистическом мире. Анализируя политику Родоса в условиях противостояния Селевкидов и Рима, можно отметить, что островное государство до последнего старалось оставаться нейтральным в конфликте и даже прилагало усилия к сохранению паритета сил. Востребованный в союзники с обеих сторон, Родос не спешил включаться в реализацию римских планов, хотя и понимал всю бесперспективность открытого противостояния этому опасному союзнику. И хотя перспектива закрепления влияния Селевкидов на Балканском полуострове не слишком-то воодушевляла родосцев, они вышли из нейтралитета лишь в 191 г. до н. э., когда военное противостояние стало свершившимся фактом. Родосцы окончательно осознали бесперспективность надежд на мирное разграничение интересов между великими державами.

Ярким примером политического нейтралитета для эллинистического периода являлась политика Византия, стремление которого к нейтралитету было продиктовано экономической необходимостью, поскольку, прежде всего, международная торговля обеспечивала ему стабильное существование. Престиж этого города-государства был настолько высок, что зачастую именно к нему эллинистические монархи обращались с просьбами о посредничестве в межгосударственных конфликтах. Представители Византия по просьбе Птолемея участвовали в мирных переговорах с Антиохом III (Polyb. V. 63. 5), осуществляли посредническую миссию в разрешении военного конфликта между Филиппом V с Этолийским союзом (Polyb. V. 100. 9). В большинстве политических ситуаций налицо было стремление Византия сохранить мир в Греции (см.: Polyb. XI. 4. 1).

Стараясь избегать непосредственного участия в военных действиях, византийцы, тем не менее, вынуждены были считаться с политической ситуацией, которая не всегда складывалась в их пользу, и пробовали корректировать ее за счет политических мер, не нарушающих явно принципов нейтралитета. Это проявилось в их поддержке Антигона Одноглазого, пытавшегося переправиться с войском через проливы в Европу, чему старался воспрепятствовать Полиперхонт. Последний

направил к месту переправы флот (Diod. XVIII. 72). Антигон был разбит, но византийцы завершили его военную операцию, предоставив ему свои суда для переправы войска. Тем не менее, на предложение Антигона войти в союз с ним Византий ответил твердым отказом (Diod. XIX. 77).

Лишь агрессивная политика Филиппа V спровоцировала Византий выйти из нейтралитета. Поставленные перед прямой угрозой агрессии византийцы вынуждены были консолидировать свои усилия в борьбе за независимость вместе с противниками Македонии, что выразилось в их непосредственном участии в морском сражении у острова Хиос в составе союзной эскадры родосцев (Polyb. XVI. 2.10)¹³.

Статус нейтралитета признавался в соответствии с формальной декларацией или посредством специального соглашения. Особенность эллинизма выражается в том, что действенность этих соглашений во многом зависела теперь от согласия соблюдать таковые монархами.

Главным средством обеспечения равновесия сил были межгосударственные договоры, начиная с тех, что были заключены диадохами в ходе раздела империи Александра Великого, и заканчивая многочисленными договорами об оборонительных союзах, создававшихся на всех этапах истории Эллинистического мира. Наиболее показательными из них были скрепленный клятвой договор участников Коринфского конгресса и мирное соглашение 311 г., о которых говорилось выше. В первом случае Македония в лице Филиппа II выступала гарантом сохранения равновесия политических сил в Греции, главную угрозу которому в то время представляло недовольство большого числа высланных из греческих полисов участников политической оппозиции¹⁴. Мирное соглашение диадохов о разграничении сфер влияния 311 г. до н.э., оценивается в научной литературе как образец всеобщего мира, временно положившего конец военным действиям между ведущими политическими силами того времени¹⁵. Гарантией реализации норм договоров служило достаточно развитое межгосударственное правосудие.

Ведущий принцип регулирования межгосударственных отношений утратил свое значение в результате распространения в регионе римского влияния. Римляне осознавали лишь себя в роли блюстителей мирового порядка, а свое государства в качестве гаранта политической

13 Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 145 -146.

14 Jehne M. Koine eirene: Untersuchungen zu den Befriedungen - und Stabilisierungsbemuhungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart, 1994. S. 171.

15 Сапрыкин С.Ю. Насильственный и ненасильственный мир в эллинистическую эпоху // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. I. С. 161.

ИЗГРАДЊА ПРАВНОГ СИСТЕМА РЕПУБЛИКЕ СРБИЈЕ

стабильности. Это означало кардинальное изменение не просто политической, но и правовой системы, обеспечивавшей жизнеспособность всего эллинистического сообщества. Основные эллинистические государства, воевавшие за оспариваемые территории и интриговавшие, чтобы подорвать друг друга на протяжении истории двух поколений после смерти Александра Великого, были слишком заняты, чтобы распознать угрозу принципу равновесия политических сил региона, на котором базировалось независимое существование каждого из них. Птолеми, Селевкиды, Антигониды, а также Пергам, Вифиния и даже Этолийский и Ахейский союзы – все они, несмотря на политические разногласия, играли свою роль в реализации названного принципа, и исчезновение любого из них вело к катастрофе. Эллинистический мир был основан на строгом балансе политических сил¹⁶. Разрушение механизма гарантий данного баланса, среди которых первое место занимали правовые, означало конец истории эллинистического общества.

Таким образом, принцип баланса политических сил на всем протяжении истории эллинизма служил основным вектором правового регулирования, определяя его содержание и цели. В нем выразилось главное достижение политического и правового строительства античного общества, осознававшего жизненную потребность соотнесения интересов отдельных государств с интересами всего эллинистического сообщества, искавшего оптимальные варианты ограничения весьма частых военных конфликтов.

16 Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Ithaca; N. Y., 1971. P. 5

Митина Светлана Игоревна,
Доцент на катедри за правно-историјске науке,
Правни факултет Јарослав Мудри, Новгород, Русија

УЛОГА ПРИНЦИПА РАВНОТЕЖЕ СНАГА У РЕГУЛИСАЊУ МЕЃУДРЖАВНИХ ОДНОСА ХЕЛЕНИСТИЧКЕ ЕПОХЕ

Апстракт

Старогрчко право у савременој науци често је окарактерисано као "исчезавајући феномен" људске цивилизације. На такво утврђивање појма прецизно је утицало стање савремене науке о датој етапи у развоју европског права. Разлог тог "исчезавања" је у недостатку систематизованих извора права и одсуства јасног схватања савремених истраживача о специфичности дате гране античког права и њеног утицаја на настајање и развој римског права.

Треба признати да је у основи старогрчких схватања о регулисању међународних односа морао да буде принцип очувања равнотеже, паритета снага. На основу датог принципа, још од дубоке старине, настајала је обичајна пракса међусобних односа општина, полиса, а касније и монархија. Глобализам старогрчке свести о неопходности постојања правног поретка постао је једна од најважнијих претпоставки (заједничке за цео регион) формирања темеља за регулисање међу-државних односа. Баш настојање очувања паритета сила у источном Средоземљу било је једно од својстава карактеристично за развој правних института. Тај задатак постао је посебно актуелан после краха изградње јединствене велике империје. Наравно, нема озбиљних повода да се у хеленистичком периоду претпостави постојање принципа равнотеже политичких сила као формално-правног основа за регулисање међу-државних односа. Политичка ситуација, карактеристична за епоху, у многоме је била условљена фактичком поделом снага, приближном једна-кошћу могућности у спровођењу активне спољне политике великих хеленистичких монархија.

На тај начин, у хеленистичкој епохи принцип равнотеже политичких снага појавио се не у коначно формираном политичком и правном одређењу, већ у форми условљеној животним потребама читаве заједнице држава источног Средоземља, у бурном процесу настанка и развоја института и механизма правног регулисања међудржавних односа.

Циљ тога процеса био је обезбеђење животне снаге младих хеленистичких држава и њихова способност да се супротстављају варварском свету, укључујући ту и Римску републику. Реализација тог циља била је немогућа без усклађивања ставова свих држава хеленистичког система, почев од монархија па до независних полиса (градава-држава).

Усклађивање ставова и интереса у свим временима и епохама претпоставља неопходно давање уступака и склапање компромиса. То се записивало пре свега у уговорима, у одлукама специјалних судских комисија, у декретима владара и прописима градова.